

Как и благодаря чему Ленинградский зоопарк пережил блокаду 1941-1944 годов?

В. Черлин, Е. Денисенко

В марте 2017 года некоторые из нас, бывших и действующих сотрудников Ленинградского зоопарка, получили по электронной почте письмо с вопросами о нашем зоопарке, точнее о том его историческом периоде, когда он, вместе со всем городом в период Великой Отечественной войны, переживал страшную блокаду с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 года. Это письмо заставило нас вспомнить воистину страшный период времени, который пришлось пережить нам, нашим родителям, бабушкам и дедушкам.

В блокаде участвовали несметные, объединенные, международные силы: немецкая группа армий «Центр», в состав которой входили 29 дивизий с численностью около полумиллиона человек, а кроме того финские и испанские («Голубая дивизия») войска, военные силы многих стран Европы, военно-морские силы Италии, добровольцы из северной Африки, и др. Они были прекрасно вооружены и обеспечены всем необходимым. Только группа армий «Центр» к началу наступления на Ленинград имела превосходство над войсками Северо-Западного фронта по пехоте – в 2,4, орудиям – в 4, минометам – в 5,8, танкам – в 1,2, самолетам – в 9,8 раза.

В подготовленных в ставке Гитлера тезисах доклада «О блокаде Ленинграда» от 21 сентября 1941 г. указывалось: «...б) сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушаем город, если возможно, артиллерией и авиацией... г) остатки «гарнизона крепости» останутся там на зиму. Весной мы проникнем в город... вывезем все, что осталось живое, в глубь России или возьмем в плен, сравняем Ленинград с землей и передадим район севернее Невы Финляндии» («Советская военная энциклопедия. Том 1» Москва, Воениздат, 1976).

За период блокады по городу было выпущено около 150 тысяч снарядов, сброшено 102520 зажигательных и 4653 фугасных авиабомб. Блокада длилась 872 дня. Список жителей Ленинграда, погибших в период блокады Ленинграда, содержит 629081 запись (Книга памяти «Ленинград. Блокада. 1941-1944». В 35 томах. 1996-2008 гг.). Вряд ли в мировой истории найдется подобный аналог стойкости, мужества и беспримерного героизма!

Бередить раны этой памяти очень больно. Некоторые люди сейчас призывают к тому, что об этом уже давно пора забыть. Но полученное нами письмо, дружные крики «Зиг хайль», которые мы сами пару лет назад слышали в некоторых вполне цивилизованных и демократических европейских странах, факельные шествия ветеранов СС вместе с молодежью там же, и даже, практически, официальное возрождение нацистской идеологии в ряде государств, претендующих на некие особые «западные ценности» демократии, ясно говорит о том, что не пришло еще время нашу историю забывать.

Поэтому, мы решили ответить на полученное нами письмо? Здесь необходимо пояснить, что, чаще всего, люди, задающие подобные вопросы, являются носителями определенной идеологии. Эти вопросы исходят именно из нее, а не из фактов или желания что-то действительно узнать. Именно экспансия такой идеологии является основной целью их контактов с окружающими: будь то беседы на улице, выступления в печати или на телевидении, или общение в Интернете. Другими словами, реальные факты интересуют их лишь как особым образом «смонтированная», «причесанная» и «подрихтованная» выборка, призванная свою идеологию подтвердить. Что-то доказывать таким людям – предприятие совершенно бессмысленное, поскольку цели их именно идеологические. Поэтому мы решили написать свой ответ, но не для них, а для тех, кто хочет и должен знать правду о тех людях, которые, вопреки «здравому смыслу», прагматизму и логике, сделали невозможное: оказались сильнее той колоссальной физической силы, которая уже дотянулась до их горла и почти задушила. Что же это за сила, которая оказалась сильнее

дивизий, танков и самолетов, пуль и снарядов, стали и динамита? Откуда она взялась? В нашем ответе идеологии нет: ни коммунистической, никакой другой. В нем только факты и эмоции, которые воспитаны на общении с людьми, которые сами весь ужас войны и блокады вкусили в полной мере, и оказались сильнее его.

Так вот, история Ленинградского зоопарка и его сотрудников, все переживших и совершивших просто невозможное, история этих людей ясно показывает источник той силы, которую никому в мире еще не удавалось сломить... Наше письмо, которое мы посчитали для себя необходимым написать, предназначено не для тех, кто уже так выверенно и «технологично» старается внедрить в умы молодежи свои идеологические установки, призванные разрушить эту нашу внутреннюю силу. Она для тех новых поколений, которые эту самую силу должны принять из рук поколения старшего, которое уже почти ушло. И ушло непобежденным... Мы остались, практически, последними посредниками, которые только и могут совершить передачу этой самой великой, самой непреложной ценности.

Мы не будем раскрывать имя того человека, который написал так затронувшее нас письмо. Пусть все, что он написал, останется на его совести. Мы пощадим его самолюбие. Могу только сказать, что это достаточно молодая женщина, бывшая наша соотечественница, живущая сейчас за границей.

Ну а нам скрывать нечего. Мы имеем свои имена, и нам не стыдно ни за себя, ни за одно наше слово, ни за тех, кто сделал совершенно невозможное: своей, прежде всего, духовной и нравственной силой, правдой своей превозмог и сломил гигантскую физическую силу.

Итак, приступим. Начнем с самого полученного нами письма, содержащего список вопросов.

«1. Как вы лично с точки современного мира, современных понятий этики, относитесь к феномену зоопарка – явлению, ведущему свою историю от позитивистских просветительских представлений Европы 18 века?

2. Почему блокадная история Ленинградского Зоопарка преподносится, прежде всего, как история страдания и героизма людей? Можете ли вы допустить взгляд вне человеческой оптики: это история страдания и героизма, прежде всего, животных, волею людей оказавшихся запертыми как в клетках, так и в обстоятельствах голода и войны?

3. Согласитесь ли вы с предположением о том, что Зоопарк было важно сохранить, потому как он представлял собой большое предприятие, дающее работу и жалование более 110 сотрудникам (согласно трудовым ведомостям /ЦГАЛИ/), а также доступ к кормам, что во время Блокады являлось решающим фактором для выживания?

4. Согласитесь ли вы с предположением о том, что Зоопарк было важно сохранить, потому как он представлял собой научный интерес: эксперимент по наблюдению за поведением животных в условиях бомбежек/ голода?

5. Известно, что в самые тяжелые периоды Блокады совершались нападения на склады продовольствия, магазины, людей, получивших продукты по карточкам. Логично было бы предположить, что на Зоопарк также покушались. Как и кем осуществлялась охрана? Были ли зарегистрированы уголовные преследования за покушавшимися?

6. Много разговоров ведется о том, что в голодном городе следовало бы животных употребить в пищу. Даже если предположить, что это ничего бы существенно не изменило, как по вашему мнению, этично ли было тратить на животных корма, которыми было бы реально прокормить людей? (Например, весной 1942 город пожертвовал зоопарку тонну хлебных крошек – это 8000 125-граммовых хлебных порций. Или чтобы выкормить детеныша обезьяны его прикрепили к молочной кухне. Значит этой смеси не досталось

какому-то новорожденному. Или мне в руки попал документ, датированный апрелем 1942 года о дневном рационе бегемота: 6 кг сена; 1,7 кг гороха; 10 кг свеклы; 3 кг моркови; 8,5 кг картофеля; 4 кг овса; 5,5 кг ржаного хлеба. Это апрель месяц после самой страшной зимы, но до нового урожая. Соответственно, корма поставлялись по приказу Исполкома из зимних запасов. При грубом подсчете это могло бы кормить около 50 человек в день.)

7. Есть ли какие-либо данные, что делали с тушами животных, погибших при бомбежках? Как происходила процедура списания? Давали ли в пищу другим животным, распределяли ли между сотрудниками? Известно, что многие жители утаивали смерть близкого родственника, чтобы отovarивать его карточки и выживать. Могло ли происходить что-то подобное с погибшими животными, чтобы получать корма?

8. Есть ли данные: умер ли кто-то их сотрудников зоопарка от голода? Члены их семей?

9. Логически можно предположить, что сотрудники зоопарка были в несколько более привилегированном положении, чем иные жители города. (Согласно анализу рационов из дневников жителей города). Почему при этом продолжают ставиться акценты исключительно на героизме сотрудников? Почему не говорить о том, что это было не самое плохое место работы в городе, позволявшее выжить и, возможно, прокормить семьи?

10. Считаете ли вы решение оставить Зоопарк работать политическим (как, например, решено было не закрывать театры)?

11. Как вы можете объяснить следующий феномен: официальная риторика легче признает случаи каннибализма в окруженном городе, нежели допустит сомнение в том, что ни одно животное не было съедено (и как понимать «съедено» в данном контексте: убито с целью быть употребленным в пищу. При этом каннибализм – это явление употребления в пищу человека, не обязательно после его убийства.) При этом официально не отрицается факт, что в первые дни бомбежек перестреляли практически всех хищников. Т.е. животные все-таки были и убиты, и съедены?

12. Историк Лев Лурье не сомневается, что большинство животных были в принципе съедены? Как вы можете это прокомментировать?

13. Я прихожу к страшной, но яркой метафоре о зоопарке. Это очень точная модель самого осажденного города, где самых ценных эвакуируют (как, например, вывозили стратегически важных ученых; опасных – уничтожают; а остальных оставляют, чтобы пользоваться ими как ресурсом – как известно, город работал на нужды фронта не меньше, чем остальные).

14. Можете ли вы представить, что официальная позиция по поводу Ленинградского Зоопарка будет расставлять акценты именно таким, предложенным образом?

15. Согласны ли вы, что нынешняя позиция по истории Блокадного Зоопарка – это мифологизация истории?

16. При прочих равных, как бы поступили с Зоопарком вы, оказавшись его директором в условиях блокадного города, и почему?

Я буду очень вам благодарна за развернутые и аргументированные ответы!»

В. Черлин. Реакция на письмо в целом: Я отвечаю на Ваши вопросы, хотя, честно хочу сказать, что они мне ОЧЕНЬ, ОЧЕНЬ не понравились! Весь комплекс вопросов и их общий высокомерный и лукавый тон меня до глубины души возмутили!

Я не знаю, кто составил этот вопросник и зачем. Вопросы явно составлены крайне тенденциозно. Человек, их составивший, во-первых, почему-то стремится повернуть дело так, чтобы через историю зоопарка унижить реальный подвиг города и людей, переживших в блокаду то, чего пережить вообще было невозможно. Это было за гранью человеческих возможностей. Только любовь к тем, кто был рядом, и к Родине (не к коммунистическому режиму или там еще к какой-то политике, а именно к Родине) давали духовные силы совершить невозможное. Это я вообще комментировать не буду. Извините, но это за гранью

того, что мы, из своего благополучного времени, имеем право обсуждать. Я это знаю «из первых рук», без всяких посредников: мои родители, бабушки и дедушки по обеим линиям пережили блокаду в Ленинграде «от звонка до звонка». Не дай Бог никому и никогда не только подобное пережить, но даже что-то подобное просто мельком увидеть!

Кроме того, хотелось бы отметить еще один аспект: те люди, которых касаются вопросы, уже умерли. «Уколы» в их адрес в вопросах есть, но они «повисают в воздухе». Ответить они уже ничего не могут. Я считаю это несправедливым. Поэтому я сам решил ответить за них, во имя их памяти и их доброго имени.

А, во-вторых, человек, составивший вопросник, не представляет себе тех людей, которые работают в зоопарке не просто как наемники, не просто за деньги, а которые трудятся потому что любят животных, чувствуют свою ответственность за них. Я бы сказал, они не работают, а служат в зоопарке. «Работать» и «служить» – это совершенно разные вещи! Они понимают, что люди сами спастись еще как-то могут, а животные в клетках – нет. Эти люди служат животным совершенно самоотверженно и бескорыстно, порой ценой собственного благополучия и даже более того. Это есть сейчас, это было в то время, когда я работал в зоопарке в 70-е годы, и это, конечно, еще в большей мере было в блокаду. Мне это рассказывали те старушки, которых я еще застал в зоопарке. И это не бравада. Эти беззаветные служители зоопарка – отдельная «каста» людей, у которых душа полна любви, преданности и ответственности. Все это – правда, а не измышления тех, кто хочет по каким-то причинам интерпретировать то, что переиначивать нельзя, кто сам не знает, что значит не просто работать за деньги или за какую-то выгоду, а всей душой служить кому-то или чему-то! Извините, но такое «выворачивание истории наизнанку» – это бессовестно, прежде всего, по отношению к тем людям, которых уже нет и которые все это пережили, которым все мы должны быть обязаны тем, что мы сейчас живы.

А теперь конкретно по вопросам.

1. Как вы лично с точки современного мира, современных понятий этики, относитесь к феномену зоопарка – явлению, ведущему свою историю от позитивистских просветительских представлений Европы 18 века?

В. Черлин: *Вопрос в принципе некорректный. Мы не можем обсуждать то, что было в старину, с точки зрения современного мира и современной этики. Это абсурд. Кроме того, зоопарки в старые времена создавались и существовали по одним причинам, а сейчас в значительной степени – по другим причинам. У них разные задачи, а также в 18-м и в 21-м веках к ним предъявляются разные технологические и этические требования (при том, что и технология и особенно этика для этих времен несравнимы, поскольку для их оценки нет и не может быть единой «системы координат»). Поэтому сравнивать оценки этих организаций тогда и сейчас бессмысленно.*

Е. Денисенко: *Подчеркну – публично зоосада, поскольку история придворных зоологических коллекций (фараоны, императоры и пр. правители) исчисляется тысячелетиями. Уверена, что если человечество будет плодиться современными темпами и уничтожат природные ландшафты в угоду своим потребностям, животные имеют шансы сохраниться только в зоопарках и то при условии больших финансовых вложений в них (хорошие зоопарки – штука о-о-очень дорогая). Речь о зоопарках типа даррелловского, специализированных птичьих, медвежьих и т.п. парках. Понятно, что они должны быть доступны для публики и понятно, что изымать животных из природы специально для зоопарков нельзя, за исключением случаев, когда другого выхода нет (полностью разрушены местообитания и т.п.). Кроме того, уже создались зоопарковские популяции многих животных, стабильно размножающихся в неволе. Что делать с этим потомством? Можно применять стерилизацию, но тут опять-таки встают этические*

вопросы. Потомство таких видов пополняет зоопарки по всему миру.

2. Почему блокадная история Ленинградского Зоопарка преподносится, прежде всего, как история страдания и героизма людей? Можете ли вы допустить взгляд вне человеческой оптики: это история страдания и героизма, прежде всего, животных, волею людей, оказавшихся запертыми как в клетках, так и в обстоятельствах голода и войны?

В. Черлин: *Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно вначале определиться в том, для чего вообще зоопарки существуют (по крайней мере – сейчас). У них есть просветительская, научная и природоохранная функции. В зоопарках животные живут в достаточно комфортных условиях, что определяется в основном не этическими, и др. «внебиологическими», «политическими», идеологическими нормами, а объективными, профессиональными показателями их жизнедеятельности: продолжительностью жизни, вполне объективными показателями здоровья, размножением, и т.п. Поэтому не надо представлять дело так, что жестокие, безжалостные кровопийцы, заточив животных в неволю, беззастенчиво издеваются над ними. Это неправда. Я очень люблю животных, но прекрасно понимаю: чтобы кормить в неволе одних животных, приходится жертвовать другими. Это происходит и в природе, без вмешательства жестоких людей. Я тоже радею об охране природы и животных, но это именно человек так устроен, что любое даже самое благое дело часто доводит до полного абсурда и превращает его в свою противоположность. Так, помню, как активисты охраны животных в США (давно, правда это было) ворвались в медицинскую лабораторию, которая в течение многих лет занималась продолжительными опытами по изучению онкологических заболеваний и лечению опухолей, создали генетические линии устойчивых к опухолевому росту мышей. Эти радетели за права животных выпустили из жалости всех лабораторных мышей, задействованных в многолетних экспериментах, уничтожив таким образом все результаты исследований, полученные в течение десятилетий. Они пожалели мышей, но я хотел бы посмотреть на кого-нибудь из этих борцов за права животных, если бы у него, не дай Бог, ребенок заболел раком, а выпущенные ими мыши не дали возможность завершить эксперименты, которые могли бы спасти ему жизнь.*

Не надо вмешивать идеологию в те сферы, где нужны профессиональные, внеидеологические оценки! Недаром в саду Института экспериментальной медицины на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге в честь подопытных животных установлен памятник собаке. Памятник создан по почину академика И.П. Павлова скульптором и архитектором И.Ф. Безпаловым, его установка была приурочена к XV Международному конгрессу физиологов, проходившему в Ленинграде и Москве с 9 по 17 августа 1935 года. «Это апофеоз собаки! Благодарность человечества» – писал И.П. Павлов членам правительственной комиссии по подготовке конгресса. По его мысли, памятником было отмечено значение собаки, как основного объекта в проведении экспериментов по физиологии нервной деятельности. На лицевой стороне памятника высечены слова И.П. Павлова: «Пусть собака помощница и друг человека с доисторических времен приносится в жертву науке, но наше достоинство обязывает нас, чтобы это происходило непременно и всегда без ненужного мучительства». А с тыльной стороны памятника приведены его же слова: «Собака, благодаря ее давнему расположению к человеку, ее догадливости, терпению и послушанию, служит, даже с заметной радостью, многие годы, а иногда и всю свою жизнь, экспериментатору». Это отдавание долга памяти и уважения. А в сквере около Института цитологии и генетики СО РАН в новосибирском Академгородке 1 июля 2013 года был открыт памятник лабораторной мыши. Он был создан скульптором А. Агриколянским, а открытие его было приурочено к 120-летию Новосибирска. По словам директора института академика Н.А. Колчанова, памятник символизирует благодарность животному за то, что человечество имеет возможность использовать

мышей для изучения генов животных, молекулярных и физических механизмов заболеваний, разработки новых лекарств. Это – поступки настоящих людей, ответственных за будущее поколения и за тех, кто вынужденно платит за это своими жизнями!

Так вот, возвращаясь к письму, хочу сказать, что животные, волею людей оказавшиеся в клетках, определенным образом служат этим самым людям, всем нам. Они, кроме прочего, учат наших детей любить природу, учат их любить этих самых животных, относиться к ним с уважением и ответственностью. А в обстоятельствах голода и войны животные оказались не по вине служителей зоопарка, а по вине наступавших фашистских войск. А вот служители зоопарка, оказавшись в этих страшных условиях вместе со своими подопечными, пытались по мере своих сил, и даже сверх их, спасти этих животных. И они это сделали. Вот в этом и есть их беспримерный героизм! Они не дали им умереть от голода, они сами, умирая, их не съели. Не надо свои измышления и идеологизированные логические предположения выдавать за правду. У кого хватит совести их в чем-то обвинить? Может быть у поборников современной этики? Может быть, прежде чем обсуждать данную тему, эти правдоискатели попробовали бы посидеть несколько месяцев на диете из 125 граммов подобия хлеба, в состав которого входили 63% ржаной муки, 4% льняного жмыха, 8% овсяной муки, 4% соевой муки, 12% солодовой муки, а также мука из луба деревьев. А может быть стидит просто отчетливее помнить, что это фашисты были виной и причиной того, что от голода и бомб в муках умирали не только «запертые в клетках» животные, но еще и блокированные в осажденном городе люди – военные, женщины, старики и дети? Почему вы об этом не спросили и даже не вспомнили? Что-то в Вашем вопросе не просматриваются даже нотки обвинения фашистов в страданиях несчастных животных! Или может быть фашисты вообще напали на Ленинград для того, чтобы будущие правдоискатели имели возможность обвинить сотрудников зоопарка и власти страны в страданиях животных зоопарка, а вовсе не для того чтобы стереть с лица земли сам город вместе с его жителями? Или самой большой проблемой на той войне являлись как раз страдания животных, в которых оказались виноваты служители зоопарка?

Вот во что выливается доведенная до своего логического завершения безнравственность!

Е. Денисенко: Нет, эти животные как в войну, так и в мирное время полностью зависят от людей, от их этических качеств.

3. Согласитесь ли вы с предположением о том, что Зоопарк было важно сохранить, потому как он представлял собой большое предприятие, дающее работу и жалование более 110 сотрудникам (согласно трудовым ведомостям /ЦГАЛИ/), а также доступ к кормам, что во время Блокады являлось решающим фактором для выживания?

В. Черлин: Отчасти сохранение зоопарка было большим благом для 110 его сотрудников. Это правда, и это замечательно. вполне возможно, что благодаря капусте и др. культурам, которые выращивались на газонах зоопарка, благодаря рабочим продовольственным карточкам, благодаря любви к несчастным животным и чувству ответственности за них, заставлявших их каждое утро вставать и идти делать то, что уже сделать было почти невозможно, часть людей со своими семьями и зоопарковскими животными выжили. И это тоже прекрасно! Или с точки зрения современной этики, круто замешанной на прагматике, нужно было оставить умирать собственных детей?

Но не забудьте: они выжили сами и животных спасли! Да, это и есть мужество! А вот стремление все это обгадить – бессовестная трусость.

Что вы знаете о тех людях, которые работали в зоопарке, и о том, как они работали? И тогда, и сейчас сотрудники зоопарка при необходимости делились и делятся

с животными самым последним. Это – истинная правда! Во вполне мирное советское время я видел, как прошедшие войну бабули – сотрудницы зоопарка, если, например, по каким-то причинам не приходил с кормами так необходимый для мелких насекомоядных птиц творог, они со своих мизерных зарплат «скидывались», кто сколько может, и отправляли кого-нибудь в ближайший магазин за творогом. И так во всем. У них была высочайшая ответственность за жизни своих подопечных, будь то слон или самая мелкая певчая птица.

Один из ярчайших примеров того, как работали зоопарковские сотрудники в блокаду, представляет бегемот Красавица. О том, как она выжила, описано в книге Е.Е. Денисенко «От зверинцев к Зоопарку», изданной в 2003 году. Там, на страницах 205-206 она пишет: «Красавицу привезли в зоопарк в далеком 1911 году... За ней долгие годы ухаживал Иван Кузьмич Антонов, а потом его дочь Евдокия Ивановна (по мужу Дашина). Именно на долю Евдокии Ивановны выпало спасти Красавицу во время войны. И доля эта была нелегкая, забот хватало на целый день. Прежде всего надо было заготовить дров. Зимой в блокадном Ленинграде это было нелегкой задачей, но зоосадовцам справиться с ней помогали и обломки разрушенных бомбежками построек сада, и особенно остатки Американских гор, которые сгорели, слава Богу, не дотла. Их разбирали, пилили обгоревшие бревна каркаса, рубили дрова. С утра в бегемотиков на оставшихся с вечера углях растапливалась плита, начиналось приготовление еды, которой надо было много – бегемоту требуется до 40 кг корма в день. В мирное время накормить такого зверя нетрудно, но в войну, особенно в первую блокадную зиму, приходилось искать хоть какие-нибудь корма-заменители. Основу рациона Красавицы составляли... опилки. Конечно, сухие опилки зверь ни за что бы есть не стал, вот и решили из опилок варить что-то вроде каши – распаривать их долго-долго в воде, пока они не разопреют, а потом добавлять в 36 кг варева около 4 кг жмыха, отрубей, овощей, чуть-чуть хлеба. Но без воды кашу не сварить, а потому каждый день Евдокии Ивановне приходилось приносить на коромысле или привозить с Невы на саночках до 400 литров воды, часть которой использовалась в «кулинарных» целях, а остальная – в «косметических», для ухода за кожей Красавицы. И в Африке, и в зоопарках бегемоты, очень много времени проводят в воде. Без постоянных купаний их кожа начинает сохнуть, трескаться, кровоточить, а это для них смертельно опасно. Евдокия Ивановна грела воду, два раза в день обмывала зверя, слегка обсушивала, а потом втирала в кожу камфарное масло и тюлений жир, последняя 200-килограммовая бочка которого была привезена на полуторке-«самоваре» в сентябре 1941 года. Такой «туалет» занимал очень много времени, ведь зверь огромный, а надо было обработать все складки кожи. Нередко эти занятия прерывали обстрелы, которых Красавица очень боялась. Как всякий бегемот, она при опасности старалась уйти в воду, и несмотря на то что ее бассейн стоял сухим, она упорно спускалась туда, ложилась на дно и стонала. Евдокия Ивановна и тут не оставляла свою любимицу – устраивалась рядом с животным на дне бассейна, старалась, насколько могла, обнять пугливую бегемотицу, успокоить ее. Так они и дожили до Победы».

Кроме того, по воспоминаниям сотрудницы зоопарка Валентины Алексеевны Иголкиной, которая в войну еще не работала в зоопарке, но которая застала еще женщин, обслуживавших Красавицу в блокаду. Они рассказывали ей, как зимой носили воду из Кронверкского канала. Склоны у него высокие и крутые. Дашина спускалась и набирала в ведро воды, а потом на четвереньках ползла с ним наверх. Но самой выбраться было невероятно трудно. Вторая женщина спускалась с ней и, ползя также на четвереньках за ней, толкала ее головой «под пятую точку» вверх. Так они и выбирались вдвоем наверх, до саночек. Иногда ведро опрокидывалось, но они, мокрые и замершие, набирали полную бочку и доезжали до бегемотника. И таких ведер надо было набрать не меньше сорока в день! И так – каждый день! Вы себе можете представить, что это за работа?! Если это не подвиг во имя любви, то что?

Е. Денисенко: Нет, 110 сотрудников – это по штатному расписанию мирного

времени. Из них практически все мужчины, годные к службе были мобилизованы и ушли на фронт, большинство женщин были эвакуированы с детьми и иждивенцами, несколько человек сопровождали животных в эвакуацию в Казань. Фактически осталось 16-25 человек (в разные годы войны). Наградные списки это подтверждают. Что до доступа к кормам, так их действительно, реально не было. Война началась до сезона заготовки сена, веников и пр. Что могли, сами заготавливали в Удельном парке и в самом зоосаду. Огородов в первое военное лето ещё не разбивали – надеялись, что война будет недолгой. Был НЗ тюленьего жира для белых медведей, причем последние 10 бочек его доставили в сентябре 1941 года по довоенным договорам. С мясом первое время проблем не было – крупные хищные по приказу были уничтожены в июле, или уехали в эвакуацию, а в зоосаду поступали останки убитых в прифронтовой полосе лошадей. Но к зиме их уже не было.

Платежная ведомость января 1942 года (ЦГАЛИ) – любопытный документ. Там нет названия организации, там нет подписи директора. То есть, документ силы не имеет. Можно предположить, что не были оформлены по правилам открепительные документы на мобилизованных и эвакуированных, а потому не утверждено новое штатное расписание. Впрочем, это догадки. Надо смотреть весь массив платежных документов за всю войну, чтобы делать какие-то обоснованные выводы.

4. Согласитесь ли вы с предположением о том, что Зоопарк было важно сохранить, потому как он представлял собой научный интерес: эксперимент по наблюдению за поведением животных в условиях бомбежек/ голода?

В. Черлин: *А согласитесь ли вы с предположением, что фашисты напали на Ленинград для того, чтобы доставить страдания животным зоопарка, а вовсе не для того чтобы стереть с лица земли сам город вместе с его жителями, и чтобы поставить эксперимент по наблюдению за поведением животных в условиях бомбежек, для чего в ленинградский зоопарк фашистами были специально внедрены шпионы? Вы считаете, что это глупый вопрос? А чем он отличается от вашего вопроса? Какому, простите,, пришла в голову эта мысль? Или может быть, это подтверждается какими-нибудь документами?*

Е. Денисенко: *Ни в коем случае. Это на нацистские эксперименты похоже. Кто бы такое спрогнозировать мог? Н.Л.Соколов – военный директор только потому дневник вел и потом представил его в обобщенном виде, что в зоосадовской практике принято оставлять записи о всех событиях за день в спецжурнале, и потом он – ученый и фиксировал все более четко, чем, это сделала бы, скажем, дворник тетя Дуня.*

5. Известно, что в самые тяжелые периоды Блокады совершались нападения на склады продовольствия, магазины, людей, получивших продукты по карточкам. Логично было бы предположить, что на Зоопарк также покушались. Как и кем осуществлялась охрана? Были ли зарегистрированы уголовные преследования за покушавшимися?

В. Черлин: *«Логично было бы предположить...» А что вам еще было бы логично предположить? Если, например, у человека есть две руки, а для того, чтобы заработать на еду, нужно потратить много времени и сил, то вполне логично предположить, что он будет воровать. Логично? Не важно, что данных на этот счет нет. Важно, что это логично предположить...*

Е. Денисенко: *Нет, таких случаев официально не зафиксировано, и едва ли они были, тем более, нападения на животных. Блокадники рассказывали о случаях воровства овощей с огородов в Удельном. Была ли специальная охрана – не знаю. Но об усиленном*

патрулировании милицией территории вокруг зоосада вспоминали многие. Едва ли это связано было с самим зоосадом, рядом было много гораздо более важных объектов, которые могли стать объектами диверсий. Впрочем, вот документ:

«ОТЧЕТ Управления РКМ г. Ленинграда за 1941-1943 гг.

Секретно

5 октября 1943г.

V. Борьба с преступностью

Военная обстановка и, в особенности, своеобразные условия, в которых оказался Ленинград со времени блокады, потребовали резких решительных мероприятий по ликвидации преступности. С первых же дней войны был введен в действие п.7 Указа от 22/VI-41 г. "О военном положении", на основании которого дела по наиболее тяжким преступлениям были изъяты из общей подсудности с соответственным расширением юрисдикции военных трибуналов. Осуществлялся ряд мер общей и специальной профилактики преступности.

Установление строго фронтового режима, усиление наружной охраны города, изоляция преступников, удаление неустойчивых элементов (образующих обычно своего рода потенциальные резервы преступности) и, наконец, вовлечение в организованный трудовой процесс почти поголовно всего взрослого населения города в сочетании с систематическими оперативными мероприятиями привели уже в первые три месяца войны к сокращению общего количества преступлений на 60,6% против мирного времени и создали базу для дальнейшего последовательного снижения преступности. Ряд преступлений – хулиганство, раздевание пьяных и т.п. – совершенно изжит.

Путем изоляции рецидивистов было покончено с профессиональной преступностью. Бандпроявления и грабежи к 1 полугодю 1943 г. сократились на 85-95%> кражи на 72%, убийства на 80% по сравнению с 1 полугодием 1942 г.

В целом общее количество преступлений, зарегистрированных в 1 полугодии 1943г. сократились против 1 полугодия 1942г. на 72,5 %, против 2 полугодия 1942г. на 56%.

Изменение обстановки обусловило и резкое изменение характера преступности. В прямой зависимости от военной ситуации и материальных условий жизни населения спорадически возникали отдельные виды преступлений, порожденные или обостренные соответствующей обстановкой.

Так, в первый период войны имели место проявления антисоветской профашистской агитации, распространение ложных слухов, листовок и т.п. В соответствии с Указом от 6/VII-41г. в отношении обвиняемых по этим делам применялись решительные, суровые меры, давшие положительные результаты в смысле сокращения этого вида преступности.

С активизацией налетов вражеской авиации (в сентябре 1941г.) был задержан ряд лиц, заподозренных в сигнализации противнику во время ВТ ракетами и тому подобными световыми приспособлениями. Сбрасываемые вражескими самолетами листовки немедленно собирались работниками милиции и подвергались уничтожению. В период наибольших затруднений с продовольствием (декабрь 1941 г. – февраль 1942 г.) имели место случаи открытых групповых похищений хлеба в магазинах и при перевозке из хлебозаводов на базы. Для борьбы с этим явлением была усилена охрана магазинов и транспортных средств, выделены специальные подвижные оперативные группы работников милиции. Дела эти квалифицировались как бандитизм и рассматривались в течение 24 часов особыми выездными сессиями трибуналов. К началу марта 1942 г. этот вид преступности был окончательно изжит.

К этому же периоду (конец 1941 г. и 1 полугодие 1942 г.) относится наибольшее количество убийств с целью завладения продуктами и продкарточками. Жесткие репрессии (обязательный арест обвиняемых, окончание следствия в трехдневный срок),

введенное специальным постановлением Военного совета, энергичные оперативные мероприятия, а главное - резкое улучшение материальных условий в жизни города (повышение норм питания, регулярное снабжение и т.п.) – дали возможность вскоре снизить количество этих преступлений, со второй половины 1942 г. встречающихся только в виде отдельных одиночных проявлений. В подавляющем большинстве случаев эти преступления совершались близкими родственниками, сослуживцами и знакомыми.

Распространенным видом преступности является расхищение имущества из квартир военнослужащих, эвакуированных и умерших граждан. По постановлению Военного совета Ленфронта эти преступления рассматриваются как бандитизм (квалифицируются по ст.16-59-3 УК) и подсудны Военному трибуналу. Следует отметить, что значительное количество этих преступлений совершается лицами, которым доверена охрана оставленного имущества, т.е. служащими домохозяйства - управхозами, комендантами, дворниками, заведующими камерами хранения вещей и т.п.

Органы милиции по своей инициативе организовали массовую работу по выявлению, учету и обеспечению охраны бесхозного имущества. За расхищение имущества и халатное отношение к его охране целый ряд служащих домохозяйств привлечен к служебной ответственности.

Наряду с репрессиями Управление милиции в ряде выступлений по радио и в печати предупреждало население о бережном отношении к сохранению имущества военнослужащих и эвакуированных граждан.

В целом, характеризуя состояние современной общеуголовной преступности в Ленинграде можно отметить следующие основные черты ее:

1. отсутствие профессиональной преступности (рецидива),
2. изжитие наиболее тяжелых и опасных преступлений против порядка управления, личности и имущественных,
3. резкое сокращение количества преступлений не только в сравнении с мирным временем, но и с первым периодом войны и наличие тенденции к дальнейшему снижению,
4. преобладание преступлений бытового порядка.

Кроме общеуголовной преступности имеют место преступления хозяйственного порядка: расхищение материальных ценностей (продуктов, продкарточек, денег, продтоваров), различные злоупотребления с ними (разбазаривание, присвоение, мошенничество), совершаемые, как правило, лицами, имеющими доступ к этим ценностям, и, наконец, спекуляция предметами первой необходимости с использованием известных, вызванных войной затруднений в снабжении.

От обвиняемых по делам о хищениях и спекуляции изъято и сдано в доход государства похищенных ценностей, наличных денег, промтоваров и продовольствия на сумму свыше 211 млн. рублей (в том числе 52343 руб. золотой монетой, инвалюты 22018 долларов, свыше 100 кг золота в слитках и изделиях, 1837 штук золотых часов и др.).

Дела о хищениях по существу не отличаются от аналогичных дел мирного времени. Несколько иную картину в смысле своеобразной "эволюции" представляет спекуляция, тесно связанная с расхищением собственности, как источником объекта спекуляции.

В первый период войны наблюдалась усиленная скупка предметов первой необходимости (продуктов, мыла, керосина, спичек) с целью создания запасов, а также скупка инвалюты, драгоценных камней и металлов с целью обеспечить себя "твердой валютой". С введением 18 июля 1941 г. карточной системы на продукты скупка их, естественно сократилась, зато первое время практиковалась скупка продкарточек, скрывание товаров от переучета и т.п. В период наибольших трудностей в снабжении (зима 1941-42 г.) возник новый вид спекуляции – обмен продуктов на различные ценные вещи, одежду, часы, дорогую мебель и т.п. с беззастенчивым использованием исключительно трудного положения лица, вынужденного менять ценные вещи. Никакого подобия принципа эквивалентности в этих меновых "операциях", разумеется, не было и следа, и Военный совет в специальном постановлении расценил эти действия как

мародерство, установив за них повышенную строгую ответственность.»

6. Вариант вопроса, полученный В. Черлиным: Много разговоров ведется о том, что в голодном городе следовало бы животных употребить в пищу. Даже если предположить, что это ничего бы существенно не изменило, как по вашему мнению, этично ли было тратить на животных корма, которыми было бы реально прокормить людей? (Например, весной 1942 город пожертвовал зоопарку тонну хлебных крошек – это 8000 125-граммовых хлебных порций. Или чтобы выкормить детеныша обезьяны его прикрепляли к молочной кухне. Значит этой смеси не досталось какому-то новорожденному. Или мне в руки попал документ, датированный апрелем 1942 года о дневном рационе бегемота: 6 кг сена; 1,7 кг гороха; 10 кг свеклы; 3 кг моркови; 8,5 кг картофеля; 4 кг овса; 5,5 кг ржаного хлеба. Это апрель месяц после самой страшной зимы, но до нового урожая. Соответственно, корма поставлялись по приказу Исполкома из зимних запасов. При грубом подсчете это могло бы кормить около 50 человек в день.)

В. Черлин: *Поразительно! Люди, сидящие в мягких креслах, у которых есть крыша над головой, которую никто не бомбит, у которых есть тепло, еда и вода, дети которых одеты и обуты, сыты и довольны, закинув ногу на ногу и потягивая сигарету перед бокалом дорогого коньяка, высокомерно и глубокомысленно рассуждают о том, как должны были бы поступить люди в экстраординарных, сверхкритических ситуациях! И они имеют совесть судить о том, что те поступали неправильно! Точнее, ни совести, ни элементарных представлений о порядочности и уважении, у вопрошающих как раз и нет! Как в притче: кого будет спасать мужчина после кораблекрушения, если лодка может выдержать только двоих, грести может только он, а в воде тонут мать и жена? Какой бы вариант он ни выбрал, он в любом случае будет виноват. И какая же благополучная (простите) будет иметь право его любой выбор обсуждать и, тем более, осуждать!?!?! Сделано то, что сделано. Это был человеческий выбор. Недобор продуктов «раскинут» на десятки тысяч людей. Это значит, что всем было еще на грамульку тяжелее, но это также не значит, что в результате кормления зоопарка каждый день гибли дополнительно 50 человек. Ваша математика дефектна. И никто не имеет право судить кого бы то ни было за это действие!*

Вот другой вариант того же вопроса, полученный Е. Денисенко: Много разговоров ведется о том, что в голодном городе следовало бы животных употребить в пищу. Даже если предположить, что это ничего бы существенно не изменило, как по вашему мнению, этично ли было тратить на животных корма, которыми было бы реально прокормить людей? (Например, в январе 1941 город пожертвовал зоопарку тонну хлебных крошек – это 8000 125-граммовых хлебных порций. Или чтобы выкормить детеныша обезьяны его прикрепляли к молочной кухне. Значит этой смеси не досталось какому-то новорожденному. Или мне в руки попал документ, датированный апрелем 1942 года о месячном рационе бегемота: 6 тонн сена; 1,7 тонны гороха; 10 тонн свеклы; 3 тонны моркови; 8,5 тонн картофеля; 4 тонны овса; 5,5 тонн ржаного хлеба. Это апрель месяц после самой страшной зимы, но до нового урожая. Соответственно, корма поставлялись из зимних запасов. При грубом подсчете это могло бы кормить 1000 человек в течение месяца.)

Е. Денисенко: *Это просто смешно – про бегемота. Хотелось бы взглянуть на «документ». Посмотрите, к примеру, современный рацион бегемота Московского зоопарка – 36 кг корма в день. В войну было примерно так же, только 30 кг – распаренные*

опилки. И кого ими можно было накормить? Подчеркиваю, запасов на первую зиму в нужном количестве сделать практически не успели – некому и негде было это делать. И ни о каких централизованных поставках кормов говорить не приходилось – до 1944 года жили тем, что сами запасали. Для огородов под овощи для животных были выделены дополнительные площади в Удельном, но ведь там тоже само не росло – надо было выращивать, т.е. работать. Рассказывали, что летом «вахтовым методом» уходили на работу в Удельный, где жили в шалаше, оставшиеся – обеспечивали животных. Потом – менялись.

Я в книжке об этом много пишу – почитайте. И потом не в январе 1941 – тонна крошек, и обезьянку надо молока в разы меньше, чем ребенку, так что он никого точно не обьел.

7. Есть ли какие-либо данные, что делали с тушами животных, погибших при бомбежках? Как происходила процедура списания? Давали ли в пищу другим животным, распределяли ли между сотрудниками? Известно, что многие жители утаивали смерть близкого родственника, чтобы отоваривать его карточки и выживать. Могло ли происходить что-то подобное с погибшими животными, чтобы получать корма?

В. Черлин: А, собственно, почему вас так волнует, что делали с тушами животных, погибших при бомбежках и как происходила процедура списания? И откуда сведения, что «многие (????!!!!) жители утаивали смерть близкого родственника, чтобы отоваривать его карточки и выживать»? Я знал очень многих блокадников. И некоторые из них мне рассказывали, как раз, о том, как поступали с такими людоедами. И даже если бы кого-то из погибших животных в тех условиях использовали в пищу (хотя я этого доподлинно не знаю), то при чем здесь людоедство?!

Откуда такое безудержное желание «испачкать» мужество, бескорыстие и действительный, беспримерный героизм огромного количества самых достойных людей, которые все вынесли, прежде всего, благодаря любви в сердцах, благодаря способности сострадать и помогать друг другу?! Что же творится в сердцах тех, кто задает такие вопросы, желая судить как Господь Бог? Сначала попробуйте выдержать поношения и оскорбления, потом претерпите невообразимые телесные пытки, и, наконец, повисите денек на кресте, и при чем – не за свои грехи, а за преступления любимых ближних своих, а потом уже судите...

По воспоминаниям Валентины Алексеевны Иголкиной, она интересовалась у переживших блокаду сотрудников зоопарка, что делали с погибшими животными. В первую очередь ее вопрос касался таких крупных зверей как слониха Бетти. Ведь поскольку на самом деле был голод, то почему бы не использовать в пищу мясо погибающих от бомбежек животных? И ответ был одновременно ожидаемым и неожиданным:

– Так они же нам были как ближайшие, любимые родственники или даже дети! Вот Вы смогли бы съесть родственника?...

Эта вроде бы простая мысль – воспользоваться такой удобной («счастливой») ситуацией даже для того чтобы выжить – никому из них даже в голову прийти не могла! Да, эти простые и порой малообразованные люди преподавали всем нам, таким важным и умным, уроки высшей любви и нравственности! Огромное им за это спасибо! И это их пытаются унизить авторы вопросника?! Нет, этих людей унизить невозможно! В такой ситуации можно только запачкать самого себя об свою же грязь, что, собственно, авторы вопросника и сделали!

Е. Денисенко: О процедуре списания – не знаю. Но уверена, что таковая была. Составлялись отчеты о жертвах – точно, как и списки оставшихся в живых – эти документы были в доступе. Слониху Бетти захоронили прямо в зоосаду – на хоздворе.

Другие жертвы осенних налетов 1941 г. были вывезены и захоронены за городом – об этом упоминает шофер зоопарка. Правда, она же говорила, что как дело было дальше – не знает, поскольку она вместе с полуторкой потом работала на Ладоге и транспорта в зоосаду не осталось.

То, что погибших зверей скармливали другим животным, не документировано, но сотрудники-блокадники рассказывали, что такое бывало. Что это было редким явлением, так на то есть списки погибших животных – там видна массовая гибель при бомбежках и обстрелах осени 1941, ноября 1943 и стабильный состав между и позже. Распределялось ли мясо погибших животных между сотрудниками – не слышала, но может быть. Правда, знаю, что если оно и появлялось, то шло на корм медвежатам и собачке из Театра зверей, а также до 1943 г. тигренку, внутренности – птицам-падальщикам. Сколько там оставалось для людей и оставалось ли вообще – вопрос риторический. Люди должны были сохранить животных – и сохранили. Правда, в основном травоядных. Есть документы о выхаживании раненых животных. По современной логике, им надо было бы дать умереть, но их выходили.

Хотя есть свидетельства (врачей, работавших в госпитале на Зверинской), что мясо погибшего бизона было передано в госпитали. Было ли на то указание и как именно мясо распределялось по госпиталю – документов не нашла. Но тогда и архивы были ещё закрыты.

Еще раз скажу, что животных кормили, чем Бог пошлет и сами вырастят, а не по карточкам или через склады и распределители. Так что аналогия с людьми бессмысленна. Животным из Театра зверей иногда перепало что-то в госпиталю.

8. Есть ли данные: умер ли кто-то их сотрудников зоопарка от голода? Члены их семей?

В. Черлин: *Поскольку осталось живо большинство животных, я был бы безмерно счастлив, если бы остались живы и все люди. А за задающих этот вопрос, за стремящихся унижить реальных героев, мне безмерно стыдно! Именно этим бессовестным «умникам» – позор во веки веков!*

Е. Денисенко: *Уже писала, что семейные (с детьми и иждивенцами) были эвакуированы. Оставшиеся получали хлеб и пр. по рабочим карточкам и жили (большинство) в рабочем общежитии на территории зоосады – так было проще. Насколько я знаю, никто от голода не умер.*

9. Логически можно предположить, что сотрудники зоопарка были в несколько более привилегированном положении, чем иные жители города. (Согласно анализу рационов из дневников жителей города). Почему при этом продолжают ставиться акценты исключительно на героизме сотрудников? Почему не говорить о том, что это было не самое плохое место работы в городе, позволявшее выжить и, возможно, прокормить семьи?

В. Черлин: *А вы не хотите попробовать сохранить, накормить, напоить, и вообще обслужить животных, при том, что в городе нет электричества, тепла, воды, а не только еды... Не хотите, будучи хрупкими женщинами, попробовать ежедневно потаскать с Невы до зоопарка несчетное число ведер воды? Или обогреть зимой теплолюбивых зверей? Или, может быть, кто-то еще упрекнет сотрудников за то, что они находились в настолько «привилегированном (!!!!???) положении», что имели возможность греться рядом с животными?*

Е. Денисенко: *Ни о какой привилегированности, думаю, нельзя говорить. Эти уже*

не юные женщины должны были сохранить животных, потому что это было, безусловно, политическое решение, которое, по счастью, совпадало с их нравственной позицией (отчасти и это давало им силы). А на героизм акцент потому, что они **ДОЛЖНЫ БЫЛИ** выполнить политически важное решение **СВОИМИ СИЛАМИ**. То есть не просто выжить сами, но и сохранить животных любой ценой. При этом ни о каком доп. снабжении животных и спецпайках для сотрудников речи не было. И работу их легкой никак не назовешь.

10. Считаете ли вы решение оставить Зоопарк работать политическим (как, например, решено было не закрывать театры)?

В. Черлин: Я считаю вопрос бессовестным и безнравственным. Эти «политические» решения поднимали и поддерживали дух блокадников! И выживший зоопарк, и работавшие театры, и знаменитая ленинградская симфония Шостаковича, и легендарный футбольный матч, состоявшийся 31 мая 1942 года после страшной блокадной зимы 1941-1942 годов, и многое другое, укрепляли духовные и нравственные силы блокадников, благодаря чему они остались людьми, которые смогли вынести непереносимое! Тот, кто задает такие вопросы, даже представления не имеет, что такое русская душа! Если бы не все это, СССР продержался бы под натиском мощнейшей фашистской машины немногим более какой-нибудь Франции.

Замечательный русский актер Василий Лановой в недавнем интервью говорил: «У Пушкина есть грандиозная фраза: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Не уважать оной есть постыдное малодушие». А ведь нас сейчас к этому малодушию изо всех сил толкают. В Европе журналисты мне в лицо говорили: «Что вы в России со своей Победой носите? Вот мы уже забыли». Я у них спросил: «Сколько дней ваши страны сопротивлялись Гитлеру?» Молчат. Тогда я продолжил: «Польша была завоёвана за 28 дней, и за те же 28 дней в Сталинграде немцы смогли захватить всего несколько домов. Дания продержалась ровно день. А вся Европа покорилась за три месяца. И освободить её пришлось нашим солдатам. И какой ценой! Миллион жизней советских солдат, отданных за освобождение европейцев от фашизма». Но Европа предпочла об этом забыть». Именно такая «забывчивость» сквозит в тексте вопросника о зоопарке. Возможно, это незнание, но почему-то кажется, что это прежде всего нежелание знать правду в угоду принятой изначально идеологии!

Эти «политические» решения, о которых спрашивает автор вопроса – есть как раз проявления неборимого русского духа, который в страшных испытаниях получил возможность раскрыться в полноте. И выживший зоопарк – еще одно тому безусловное подтверждение. Это – не пустые слова, это факты!

Е. Денисенко: Да, конечно. И внимание к зоосаду (он именно так назывался) было повышенным. Поэтому сохранилось и немало фотографий, сделанных профессиональными фотографами, и кинокадров, и статьи в «Правде» – результат этого решения, как и выживание большого количества животных ценой сверхусилий горстки людей.

11. Как вы можете объяснить следующий феномен: официальная риторика легче признает случаи каннибализма в окруженном городе, нежели допустит сомнение в том, что ни одно животное не было съедено (и как понимать «съедено» в данном контексте: убито с целью быть употребленным в пищу. При этом каннибализм – это явление употребления в пищу человека, не обязательно после его убийства.) При этом официально не отрицается факт, что в первые дни бомбежек перестреляли практически всех хищников. Т.е. животные все-таки были и убиты, и съедены?

В. Черлин: *Да, от многих хищников пришлось избавиться, т.к. их вообще нечем было кормить. А вы, собственно, чему радуетесь? Или вы считаете, что их нужно было кормить сотрудниками? Да и, кстати, где данные о том, что сами хищники были съедены? Хотя если бы это на самом деле было так, я бы ничуть не удивился и ничего не имел бы против. Ничего, небось все так радеющие за права застреленных и погибших в блокаду животных вполне спокойно едят сейчас курицу, рыбку и шашлычки... И не давятся...*

Е. Денисенко: *В июле 1941 г. ни о какой блокаде речи не было, и бомбежек с налетами тоже, т.е. хищные были ликвидированы спецкомандой УНКВД, чтобы не вышли из клеток при ВОЗМОЖНОМ обстреле. То есть тут надо покорректнее с датами и тем более с выводами, а то фэйк получается. Трупы были вывезены. И никто их не ел и не покушался даже. Также и впоследствии ни одно животное не было убито специально. И это не официальная риторика, а факт. Состояние дел в зоосаду действительно было на особом контроле. Уверена, что директор головой отвечал за сохранность «поголовья». И это понимали все сотрудники.*

12. Историк Лев Лурье не сомневается, что большинство животных были в принципе съедены? Как вы можете это прокомментировать?

В. Черлин: *А мне, собственно, плевать (извините), в чем не сомневается историк Лев Лурье. Ему как историку нужно было бы сначала получше работать с источниками, а уже потом выражать свои сомнения. Мне было бы интересно, кого и что съел бы он, попав в подобную ситуацию. Тем более, не его измышления, а факты говорят о том, что подавляющее большинство животных таки пережили блокаду. Вот это – реальный факт. А если бы даже многих из них съели, еще раз могу сказать, что я не посмел бы никого за это осудить. Но сотрудники оказались намного человечнее, чем те, кто пытается «нагадить на крыльцо».*

Е. Денисенко: *Историку можно посоветовать опираться не на собственные умозрения, а на источники, с которыми он, уверена, не знаком. А домыслов может быть сколько угодно – в силу изоциренности фантазий историков.*

13. Я прихожу к страшной, но яркой метафоре о зоопарке. Это очень точная модель самого осажденного города, где самых ценных эвакуируют (как, например, вывозили стратегически важных ученых; опасных – уничтожают; а остальных оставляют, чтобы пользоваться ими как ресурсом – как известно, город работал на нужды фронта не меньше, чем остальные).

В. Черлин: *Ну, вот этот вопрос уже явно непосредственно от вас. Поэтому позвольте выразить вам за него свое глубочайшее омерзение! Более резкого слова употреблять, пожалуй, не буду, но вы можете его за меня додумать. Мои ближайшие родственники, рискуя своими жизнями, самоотверженно возили по дороге жизни женщин, стариков и детей на материк, а продукты – в обратном направлении. Десятилетние мальчишки работали на заводах, изготавливая снаряды для фронта. Не потому, что их кто-то заставлял и, тем более, «использовал». Язык-то как повернулся перевести в какую-то дрянь искренний порыв всего народа. И это не агитка! Так было на самом деле! Люди отдавали все силы без остатка за своих близких, за Родину. Но, боюсь, вам этого не понять... Если бы в Ленинграде жили такие люди, как те, кто задают такие вопросы, город бы и недели не простоял. А фашисты, вместе со всей своей мощью, так и не смогли его взять!!! Не смогли победить этих мальчишек, этих женщин и ополченцев, которые стояли насмерть... Если бы они были чьим-то «ресурсом», вас бы не было. Поклонитесь*

им в ножки! Ваша яркая метафора действительно страшная. Но только страшнее всего она для вас. Мне вас жалко...

В связи с вашим вопросом, у меня в ответ тоже возникла очень яркая метафора. Вы знаете, есть те, кто в любой самой страшной, самой тяжелой и даже некрасивой ситуации стремятся увидеть что-то позитивное, светлое, чистое, возвышенное, извлечь из этого душеполезный опыт. Это – люди, и дорога у них – людская.

А есть такие, которые даже в самых светлых ситуациях выискивают грязь. Ну, как известно: «Свинья грязи найдет». Так вот, это – свиньи, и дорога у них – свинская. Воспринимайте в данном случае слово «свинья» не как оскорбление, а как метафору.

Я привык жить в мире людей, я привык именно с ними общаться, разговаривать.

Но те, кто составил ваш список вопросов, добровольно уподобляются именно таким «свиньям», которые хотят найти помощи – надуманные ими самими проявления зла, неумное стремление увидеть грязь и зло в проявлениях добра. Причем, помощи они стремятся найти даже там, где возвышенное само светится – бескорыстное, самоотверженное, жертвенное противостояние злу, мужество, героизм и стойкость, любовь и взаимопомощь, и еще многое другое. Это свободный, вполне добровольный выбор авторов вопросника – жить среди свиней и с ними перехрюкиваться. Ну так – флаг им вонючий в их грязные руки. И это тоже – метафора.

Больше и сказать нечего.

Е. Денисенко: *Нет, неверный посыл и искаженная метафора. Впрочем, метафора уже была. Б. Гржимек сказал: «Зоопарк – это лицо города». И он прав. И его история – отражение истории города. Если ресурс – то только не продовольственный (это просто нелепо), а идеологический (вот это было гораздо важнее). Для поддержания душевных сил людей на фронте и в тылу нужно было, чтобы они знали, что в блокадном городе живет такое мирное учреждение как зоосад. Думаю, в войну это было действительно важно. А идеологи, кстати, в СССР отлично работали, и много чего учитывали. И ресурс этот сработал, поскольку животные-то уцелели в подавляющем большинстве. И зоосад стал единственным за всю историю человечества, пережившим блокаду и сохранившим основу коллекции, как и город уцелевший несмотря ни на что.*

14. Можете ли вы представить, что официальная позиция по поводу Ленинградского Зоопарка будет расставлять акценты именно таким, предложенным образом?

В. Черлин: *А акценты расставлены так, как надо. Мужество, героизм, стойкость, любовь, человечность – вот те акценты, которые вам так оказались не по нраву. Но они таковы и есть. Именно они подтверждаются реальными фактами, а не ваши измышления и логичные предположения. И, надеюсь, других акцентов не будет.*

Е. Денисенко: *Представить можно все, что угодно, нужны доказательства. Понятно, что я отвечаю на вопросник, а не диссертацию пишу, где источники приводить надо, а не болтать на ветер. Даже тех, что у меня есть, хватит, чтобы такую позицию с такими акцентами опровергнуть.*

15. Согласны ли вы, что нынешняя позиция по истории Блокадного Зоопарка – это мифологизация истории?

В. Черлин: *Это не у нас мифологизация. Мои «мифы» опираются на вполне конкретные документы и рассказы прямых участников событий. А на чем основана Ваша мифология? Боюсь, что у вас вонючая помойка в голове и в душе, если последняя, конечно,*

у вас вообще есть. Хотя... сомневаюсь.

Е. Денисенко: *Нет. Просто явление уникальное, оттого кажется невероятным. Но от этого факт сохранения животных в блокаду не становится мифом. Как бы этого не хотелось кому бы то ни было.*

16. При прочих равных, как бы поступили с Зоопарком вы, оказавшись его директором в условиях блокадного города, и почему?

В. Черлин: *История, как известно, не имеет сослагательного наклонения. И в данном случае, я этому очень рад. Никто из нас не может знать, как он поступит в экстраострых ситуациях. Я могу только надеяться, что постарался бы действовать согласно своей совести. А тех, кто на деле принимал в те страшные годы конкретные решения и брал на себя за них ответственность, я осуждать не имею никакого права. Во всяком случае, насколько мне известно, среди блокадных сотрудников зоопарка ни предателей, ни перебежчиков, ни людоедов не было. Они с честью вынесли все испытания. И во имя их, и всех павших в этой битве, никому не позволю их бессовестно осуждать!*
... Повисите сначала на кресте...

Е. Денисенко: *Да так же. Не факт, что смогла бы осилить, впрочем, в экстремальных условиях всё возможно. Рассуждать на эту тему вполне бессмысленно, ну нет у истории сослагательного наклонения.*

В. Черлин: *P.S. Поверьте, я меньше всего хочу своим эмоциональным ответом кого-то оскорбить или обидеть. Но у меня не получилось спокойно отнестись к оскорблению памяти тех, кто выжил в невозможных условиях, вынес непереносимое, и остался при этом человеком. Среди них были и самые близкие мне люди. А все прочитанное в вашем письме я воспринял именно как такое оскорбление, причем, в первую очередь, в отношении уже умерших и все претерпевших людей, которые теперь за себя не могут постоять, но объективная правда которых заключается в том, что мы с вами сейчас живы.*

Е. Денисенко: *P.S. Это далеко не первый опросник такого сорта, на который мне приходится отвечать, поэтому старалась обойтись без эмоций, хотя очень рада, что В. Черлин назвал вещи своими именами, присоединяюсь. И я целиком согласна относительно целей, которые преследуют авторы таких провокаций. Понятно, что ими движет отнюдь не исследовательский интерес. А может быть, все гораздо проще: обязательному потребителю с элементарным образованием и напроць отсутствующим понятием о добре и зле в принципе не понять, о чем мы вообще говорим, о каких таких высоких материях. В подтверждение этой догадки приведу пример еще одной блокады крупного города, в котором был свой зоосад и даже не один.*

Речь о четырехмесячной блокаде Парижа во время Франко-прусской войны 1870-71 гг. Зверей в зоосадах съели всех и очень быстро. Причем торговали ими и в лавках, и в ресторанах, где подавали, к примеру: фаршированную ослиную голову, бульон из слонатины, верблюжатину, зажаренную по-английски, рагу из кенгуру, жареные медвежьи ребра под перечным соусом, филейную часть волка под соусом из косули, кошку, фланкированную крысами, вареное мясо антилопы с трюфелями. Это меню лишь одного из ресторанов. Были (и у меня они есть) и другие. Газеты печатали рисунки с изображением расстрела любимцев публики – слонов Кастора и Поллукса, а потом мы видим их уже разделанными на крюках в мясной лавке. А вот рисунки с мясными рядами Чрева Парижа – ряд кошатины, ряд собачатины, крысиный ряд. Горожан волнует и

обсуждается в печати, вопрос о паразитах, которых можно подцепить, наевшись новых сортов мяса. От сравнения вкуса филе бульдога с филе спаниеля и описания иных подобных гастрономических изысков становилось тошно, но я собирала и переводила всё это. Кстати, эти ресторанные меню продавались потом как сувениры об осаде Парижа.

Комментировать это я не буду – приличных слов нет.